

ЧТО ЗА ЗЕРКАЛОМ?

Только общение даёт чувство подлинной жизни. Друг с другом, с травой, деревьями, дождём, снегом. И, конечно, с книгой. Человек в сущности никогда не пребывает в одиночестве. Навстречу ему спешит и путник, и ветерок, и облако. И душа его беседует с целым миром. Календарь каждодневно худеет, часы поторапливают безостановочным движением. Но человек обладает ещё одной привилегией — жить не только в пространстве, но и во времени, перемещаться в нём. В этом смысле он своеволен, способен к перевоплощению, «лёгок на подъём», ненасытим в желаниях. Он может отлететь на десятки лет назад или предвосхитить грядущее с поразительной быстротой мысли и обескураживающим провиденьем чувства. Уединяясь, мы беседуем: мысленно произносим монологи, озаряемся непредвиденными встречами. Костерки памяти вспыхивают то там, то здесь, и время озвучивается речью. Мы как бы пытаемся подсмотреть: а что сокрыто за зеркалом? Не отражение на чистой плоскости нас интересует, ибо оно слишком очевидно, а глубина. То есть судьба, как мы её называем, глубинная суть обыденного. Проникновение в её кладовые дарует нам счастливые мгновения.

Писатель — свидетель судеб. Он точно разламывает тёплый ломоть жизни и богат тем, что вдыхает её запах. И в основании его творчества лежит судьба, личностное испытание, философия души, соединённая с множественным миром человеческих судеб своих сограждан. Потому он и есть истинный проповедник, а не поверхностный соглядатай. Его произведения — не констатация факта или момента, не приблизительный помысел действия, а доподлинная проповедь любви и ненависти, не витийство, а само действие.

В последнее время обнаружилось некоторое сетование на якобы замедленный процесс обновления литературы. Жизнь, дескать, её опережает выявлением нового качества. Это, ясное дело, недоразумение. Приходят на ум слова поэта: «Погоди, небесное, дай понять земное...» За какие-то полвека громадно изменился не только облик земли и сам человек, но и встал на ребро вопрос

существования вообще. А что делать с опытом времени — силовым полем обитания поколений, множеством исторических переломов — извержений вулканов минувшего? Минувшего, но незажившего. Опытном войн, революций, и снова войн, опытом возрождения из пепла? Это же надо осмыслить и воплотить, закрепить память, потому что память не угнетает, а возвышает. И взгляд писателя поднимается от подножия к вершине. Корневое начало — его отправная точка.

Как менялась психология человека, какие она претерпевала бедствия, лишения, радости воспарения духа, победы, взрывы, смятения — всё это, без сомнения, и занимает творческую личность писателя в первую очередь, и потому его труд — нравственный поиск, а не словесные игры в сиюминутное отражение насущного дня. Литература, мне кажется, не столько предвосхищает, сколько освещает жизнь изнутри, а для этого необходимо неистощимое, стойкое горение. Бескорыстное служение правде.

Так я размышлял после прочтения повестей писателя Аяза Гилязова, сложившихся в весомую книгу. Книгу очень важную, очень искреннюю, предельно достоверную. Она, эта книга, сколок с его судьбы, сплетённой корнями с судьбой народа, выношенное суждение, как раз то, что сокрыто от беглого взгляда за гладью зеркала. В ней присутствует национальный характер, психологический портрет национального достоинства. Если развернуть это определение, получится обширная статья о самом значительном, чем может гордиться писатель, статья о непреходящей сути — жемчужине в раковине: нет большей удачи для писателя, как выявить и богато раскрыть в образах психологию своей нации. Подобное, увы, удаётся немногим.

Когда я восхитился образом Бибинур из повести «В пятницу, вечером...», автор сказал: «Я, может быть, двадцать лет носил её в сердце...» Да, разумеется, среди обыкновенных снов в редкие часы прозрения нас посещают и вещие сны.

Старушка Бибинур — прекрасная героиня, по-другому я и не мыслю. Прекрасная! Она само душевное расположение ко всему живому, бегущему и ползущему, чем заполнен мир. Она — праведница с открытым лицом и в самую тяжёлую минуту, в любое время жизни. Женщина со своей тайной любви, со своей тайной не только в сокровенном чувстве, но и в широком смысле доброжелания. Её добро постоянно, не избирательно, она и явилась на свет, чтобы отдавать, ничего не прося взамен. Да, дорогой читатель, и такое есть счастье — безвозмездно отдавать. Очень сильный образ бабушки Бибинур! Не могу я вспомнить похожего в других литературах по наполненности, по свежести, обособленности, цельности. Ничего заёмного даже на маковую росинку. Она естественно вышла в мир из сердечной тоски писателя по прекрас-

ному, слишком живая, чтобы оставаться жить в пределах книги. Бибинур трогательна непрерывностью своих душевных подвигов, она истинна повсюду, где кладёт маленькие следы. И поздняя любовь её, очищенная от плотского побуждения, возвеличивает её «тайну». Вот до каких высот может подниматься дух страждущего человека, как бы произносит автор. Вот как просветляется сердце! Праведник всегда несёт на себе печать трагедии, мученический ореол. Для других, для окружающих его людей. Как бы ни был он, праведник, заземлён, дух его воспаряет. Обычной меркой тут не обойдёшься, а посему в его присутствии сникает зависть, дикость своенравия, духовное невежество и слепота, мелочность бытовых неурядиц бескрыло отходит в тень. На то он и праведник, не ходульная знаменитость, что отрицает своим существованием всякую безликость, призывает к очищению, останавливает сдержанностью крик, бескорыстием — алчность. Отсюда и печать трагичности. И каждый, сопутствующий старушке Бибинур, оценён её взглядом, зоркостью её души — и Джихангир, и Галикай, и Габдуллазян, и Вэли, и Зухрабану, близняшка.

Я бы мог много размышлять о повести — она вся на слуху, освоена, принята чувством: теперь мне никуда от Бибинур «не деться» — но я пишу не критическую статью, а как читатель собеседую с заинтересованным читателем, причастный к писательскому труду, сопереживаю вместе с автором. Ибо знаю, как «боязно» писателю расставаться с сокровенным, препоручать его в чужие руки, — всё равно, что дитя родное отпустить на временный постой. Ведь у каждого своё «зеркало», и как знать, не удовольствуется ли кто-то самонадеянно скользнуть по поверхности, не прозревая при этом «зазеркальные» глубины...

Неискущённому читателю писатель представляется странной фигурой, наполовину вымышленной. Портретные чёрточки собраны с творческих личностей, давно заслуживших общее признание, из дневников, писем, воспоминаний. Всё это — фантазия, легенда, домысел, над которыми витает нимб исключительности. И подчас поступки героев произведений, их действия полностью соединяются с жизнью автора. Находясь под пристальным вниманием, обрастают инородным материалом аналогий. Очень просто «увидеть» заносчивость, позёрство, болезненность, тщеславие и т. д. С этой точки зрения Аяз Гилязов, мне думается, человек самоуглублённый, смеющийся скорее невпопад, будто на всякий случай, не способный обидеть другого впопыхах самоутверждения. Это моё предположение. Но что несомненно, он — человек счастливый, хотя бы потому, что пришёл в литературу не по самолюбивой случайности, не по ковровой дорожке, а по требованию чувства. Мы сидели на одной студенческой скамье университета, но он был намного старше меня и, естественно, иронично воспринимал мои

поспешные суждения. У него было на это право возраста, право знания жизни. Я бы не удивился, скажем так, произнесённой вдруг фразе: «У тебя ещё молоко просыхает на губах, не кровь...» Жёстко говорить учит жизнь. Она же учит быть и разборчивым. Я был свидетелем его воодушевления чужой рукописью. Так или иначе, на сегодняшний день писатель Аяз Гилязов — человек счастливый: его герои, сойдя со страниц книг, ушли, как свои люди, в народ. Он сумел показать то, что таится за «зеркалом» жизни, не погрешив перед правдой.

Повесть «Три аршина земли» в своё время была отмечена премией журнала «Дружба народов» тому лет пятнадцать назад. Я помню ощущение первого прочтения. Но в том-то и дело: время, как вершитель и судья, либо укрупняет подлинник, либо низводит его до положения всего лишь чертежа, замаха (протащицалась туча, да не пролилась благодатью). Ныне «Три аршина земли» так же уместны и не утратили ни одного оттенка свежей вести. Талантливый писатель потому и долгожитель, что образы, им созданные, протяжённы во времени, хотя и не вечно плоть земная, давшая им жизнь. Есть что-то превыше, сверхзадача искусства, возвышающая обыкновенность до величия. Вспомним пушкинское: «Прекрасное должно быть величавым». Я бы назвал это оптимизмом корневого начала, пульсом родника.

Проза Аяза Гилязова оптимистична, её трагизм величествен. Дух преоборения возносит человека: не муть поднимает с души, а силы великие. Два героя Мирвали и Шамсегайн словно два полюса магнита. Они противоборствуют в любви молчанием. Только смерть окончательно породнит их. Час прозрения, час ответа наступает по своим законам: на трёх аршинах уместятся лишь бранные останки, а бьющемуся сердцу необходим воздух родины, безоглядность простора, постижение единства и братства на земле. Добро не умозрительно, а конкретно, его не размажешь кашей по тарелке. Им ценится жизнь, произрастая, бесконечно самовозрождаясь. И неиссякаемы источники добра.

Высокое художество философично, оно бежит суетности. Говоря образно, оно обязательно задаётся вопросом: а что за зеркалом? Оно изучает не только предмет, но и его тени при разном освещении.

Проза Аяза Гилязова высоконравственна, избегающая прописной морали.

Повести о военном детстве, юности «Любовь и ненависть» и «Весенние караваны» донесут до читателя правду и слёзы первого чувства, благотворное причастие к судьбе народной, в которой все повязаны одной верёвочкой весенних караванов. Как бы эхом откликается Сибгат Хаким беспощадно, с обнажённым мужеством и откровением нарисованным сценам Аяза Гилязова.

Как узелки одной верёвки длинной,
навстречу женщины усталые бредут,
и тяжело сгорбленные спины —
за валом вал — качает, как в бреду.
Весенний караван в пустынном поле,
поклон тебе и тихое: прости...
Ломоть земли посыпан горькой солью
из женской нескудеющей горсти...

Пять повестей, сведённых вместе, говорят о многом. Каждая по отдельности — только об удаче писателя. Тема родного очага, корней, отечества требует именно разных ракурсов, временных моментов. Требуется взятия глубинных проб, сердечного напряжения. Простое повествование лишь событийно, и герои его случайны, настоящая же литература имеет дело с пластами жизни, с родниками, а не ручейками, с мощным оглядом вширь и вглубь, а не за ограду соседа. Имеет дело даже не с героями, но всегда с типами. Она словно перерождает жизнь силой искусства, непременно возвышая её, но никогда не унижая. Вот исходя из этого, можно утверждать, что проза Аяза Гилязова патриотична без ложной патетики. Естественна и необходима, как хлеб, вода. Самоотверженна по сути характеров, по пламенности порывов, уважению к истоку. Она философична не по формальному изъявлению, а по самому образу мышления, природному виденью.

В татарской литературе работает, полон энергии, большой мастер, перед которым открыты дали непредвиденного размаха. Ему ещё предстоит сказать своё главное слово, хотя «высокий храм» выстроен, акустика налажена, свод сияет. Аязу Гилязову, я убеждён, предстоит занять место в общенациональном масштабе, он способен поднять и нести достойно не какой-то пресловутый груз художника, а очищающую правду жизни.

Рустем Кутуй
1986